

Медведский Константин Петрович

**Современные поэты.
Критические очерки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Петрович М.**
Современные поэты. Критические очерки / Медведский Константин Петрович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 196 с.

ISBN 978-5-519-95912-4

ISBN 978-5-519-95912-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СТИХОТВОРЕНІЯ

К. М. ФОФАНОВА.

I.

Чтобы хоть сколько нибудь выдѣлиться изъ массы мелкихъ стихотворцевъ, пишущихъ очень гладкіе, но и очень блѣдные стихи, чтобы не померкнуть передъ такими, хотя бы и второстепенными свѣтилами поэзіи, какъ Полонскій, Майковъ и Плещеевъ—современному поэту непременно нужно имѣть въ своемъ талантѣ нѣчто свѣжее, яркое, самостоятельное, что отличало бы его и изъ массы блѣдныхъ сверстниковъ, и изъ блестящей плеяды предшественниковъ. Но за то какъ бы ни было мало это „свое“—и публика, и критика сейчасъ же обращаютъ вниманіе на проявившаго такую самостоятельность поэта. Его поощряютъ, поддерживаютъ, вѣнчаютъ лаврами. Но такъ какъ увлеченіе бываетъ всегда болѣе или менѣе слѣпо, то, восхищаясь однимъ, не обращаютъ вниманія на другаго. Приблизительно тоже случилось съ Надсономъ и Фофановымъ. О первомъ изъ нихъ мы еще будемъ говорить подробно, теперь поговоримъ о г. Фофановѣ.

На долю этого поэта не выпало и сотой доли того успѣха, который судьба послала Надсону. Его не захваливали, о немъ не кричали. Выступилъ онъ незамѣтно, незамѣтно издалъ книжечку своихъ стиховъ и незамѣтно идетъ скромною дорогой второстепеннаго стихотворца, многимъ извѣстнаго, а еще болѣе многимъ — неизвѣстнаго.

Давно сложилось мнѣніе — и только теперь оно все болѣе и болѣе рушится — что для талантливаго человѣка достаточно его прирожденныхъ способностей, образованіе же является чѣмъ-то второстепеннымъ, что можетъ быть, а можетъ и не быть. Пожалуй, относительно геніевъ это и справедливо, но относительно простыхъ талантовъ, хотя бы и крупныхъ, — совершенная нелѣпость. Многочисленные примѣры изъ исторіи какъ нашей, такъ и западно-европейской литературы, доказали ошибочность такого мнѣнія. Врядъ-ли кто станетъ теперь утверждать, что для поэта или романиста не надобно широкаго образованія. Если гдѣ и осталось это довольствованіе однимъ талантомъ, такъ въ сферѣ музыки. Тамъ до сихъ поръ композиторы и дирижеры не идутъ дальше своихъ нотъ, а на образованныхъ и развитыхъ товарищѣхъ смотреть съ величайшею ненавистью.

И такъ—мы сказали—образованіе уже вполнѣ признано всѣми, какъ необходимый атрибутъ писателя. Оно даетъ ему возможность прогрессировать, расширить свой кругозоръ. Для поэта не менѣе чѣмъ для романиста или критика важно быть образованнымъ человекомъ.

Между тѣмъ г. Фофановъ далеко не щеголяетъ образованностью. Она не развила его, не расширила его кругозора. То, что онъ поетъ—скрыто въ немъ, въ его внутреннемъ мірѣ, ни чѣмъ не облагороженномъ, ни чѣмъ не расширенномъ. Правда, этотъ міръ богатъ: въ немъ много музыкальных звуковъ, много музыкальных образовъ, эффектныхъ картинъ. Но, по мѣрѣ того какъ г. Фофановъ черпаетъ изъ этого міра содержаніе своихъ стихотвореній,—въ немъ остается все менѣе и менѣе оригинальнаго и новаго. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо ничто не пополняется изъ того, что взято поэтомъ. Наконецъ, такая непосредственность творчества, такое пѣніе на манеръ птицы небесной, не всегда удачно, — потому что г. Фофановъ неспособенъ отнестись къ себѣ критически. Выйдетъ ладно — слава Богу, не выйдетъ—ну что же дѣлать! Все предоставлено случаю, порыву, минутѣ. Намъ кажется, что при такихъ условіяхъ трудно вырабатываются даже колоссальные таланты, не говоря уже о

1*

дарованіи г. Фофанова, которое хотя и не изъ маленькихъ, но колоссальнымъ, конечно, назваться не можетъ.

Переходя отъ общаго къ частностямъ, мы должны отмѣтить двѣ характерныя черты поэзіи г. Фофанова—во-первыхъ его причудливую, капризную фантастичность и во-вторыхъ—подчасъ очень свѣжую, привлекательную форму. Правда, такими качествами отличаются далеко не всѣ стихотворенія г. Фофанова: изъ его книжки можно было бы выкинуть по крайней мѣрѣ три четверти, какъ совершенно слабыхъ, ребяческихъ. Но оставляя этотъ грѣхъ на душѣ издателя стихотвореній, перейдемъ къ подробному разбору ихъ.

Г. Фофановъ—не тенденціозный поэтъ. Вотъ что говоритъ онъ о своихъ стихахъ:

Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя
 Нашептали цвѣтамъ сказки чудныя,
 Лепестки улыбнулись атласные,
 Задрожали листы изумрудные.
 И цвѣты, опьяненные росами,
 Разказали вѣтрамъ сказки нѣжныя—
 И распѣли ихъ вѣтры мятежныя
 Надъ землею, надъ волною, надъ утесами.
 И земля, подъ весенними ласками
 Наряжаяся тканью зеленою,
 Переполнила звѣздными сказками
 Мою душу безумно влюбленную.

И теперь. въ эти дни многотрудные.
Въ эти темныя ночи ненастныя,
Отдаю я вамъ, звѣзды прекрасныя,
Ваши сказки задумчиво чудныя.

И дѣйствительно, стихотворенія Фофанова въ своихъ лучшихъ образцахъ, кажутся намъ навѣянными самыми поэтическими впечатлѣніями. Олицетвореніе природы и чувства удается иногда г. Фофанову весьма успѣшно. Но и въ этихъ пьесахъ чего-то недостаетъ. Если угодно. это алмазы, но необдѣланные алмазы—во всей своей первобытной грубости, хотя въ тоже время и во всей своей первобытной красотѣ. Г. Фофанову рѣдко случается создать что либо стройное: то подгуляетъ форма, то содержаніе вырисовывается не вполне рельефно. За то г. Фофановъ чуждъ тенденціи: онъ поетъ то, что непосредственно затрогиваетъ его, и неспособенъ на эффектные вопли въ духѣ, напр., г. Минскаго. Если же ему и захочется прогуляться на счетъ „реализма“ то здѣсь уже реализмъ совсѣмъ иного рода, о которомъ лучше и не говорить.

Такимъ образомъ, г. Фофановъ является поэтомъ непосредственнымъ, съ пылкой фантазіей и искреннимъ чувствомъ. Его образы, подъ часъ неуклюжіе или смѣлые до невозможности, порою достигаютъ чрезвычайной граціи. Возьмемъ хотя бы слѣдующее стихотвореніе:

О кельѣ мрачной и печальной

Ты лепетала мнѣ легко
 И твой разсказъ—разсказъ прощальный
 Запалъ мнѣ въ душу глубоко.
 И думалъ я: мой другъ безцѣнный,
 На юной дѣвственной зарѣ
 Тебѣ-ли схимницей смиренной
 Влачить года въ монастырѣ?
 Повѣрь, и тамъ въ дни покаяній,
 Вдали отъ радостей и нѣгъ
 Къ тебѣ слетится для лобзаній
 Рой херувимовъ на ночлегъ.
 Смутишь святыя легіоны
 Безгрѣшно-дремлющихъ духовъ;
 И будетъ плачъ, и будутъ стоны
 Въ аллеяхъ ангельскихъ садовъ.

Если бы г. Фофановъ далъ себѣ трудъ отдѣ-
 лать это стихотвореніе, замѣнить такія неудач-
 ныя выраженія какъ, напр., „ты лепетала мнѣ
 легко“ болѣе подходящими — оно вышло бы
 просто маленькимъ перломъ, такъ эффектно и
 граціозно его содержаніе. Тоже самое можно
 сказать о „Нѣжныхъ письмахъ“, которыя, не
 смотря на избитость темы, все-таки дышать
 новизною и свѣжестью. Поэтъ, обманутый лю-
 бимой дѣвушкой, перебираетъ, тоскуя, ея пись-
 ма. Онъ обращается „къ небеснымъ высямъ“
 и проситъ ихъ:

Сотрите бурей и грозой
 Слѣпыя знаки этихъ писемъ,

Такъ чудно лгавшихъ предо мной.
Я говорилъ свѣчамъ горящимъ:
Пожрите ихъ своимъ огнемъ,
И пусть не лжетъ мнѣ въ настоящемъ
Разъ обманувшее въ быломъ.
Развѣйте ихъ налетомъ шумнымъ—
Я буйно вѣтры умолялъ,
Но самъ я, въ бѣшенствѣ безумномъ,
Ихъ уничтожить не дерзалъ.
Такъ жаждетъ зла и разрушенья
Былымъ святынямъ ренегатъ
Въ часъ малодушнаго моленья
Тоской и трепетомъ объять.

Не смотря на нѣкоторыя шероховатости стиха — пьеска превосходна. Особенно хорошо и свѣжо въ ней опредѣленіе этихъ любовныхъ писемъ: *„они такъ чудно мали передъ нимъ“* Чувство, охватывающее человѣка передъ такими письмами, заставляющее его въ одно и тоже время и неавидѣть ихъ, и дорожить ими, передано просто и, въ тоже время, художественно—сильно. Нѣсколько слабѣе конецъ и, пожалуй, не совсѣмъ точно уподобленіе, но это уже сравнительно мелочи. Изъ другихъ, болѣе удачныхъ, отмѣтимъ: „Истину“, „Тюльпанъ“, „Вотъ подожди придетъ весна“, „Надъ четой, сраженной“, „Пѣсню“, „Я вышелъ въ садъ“, „Задумалась она“, „Юность веселилась“, „Не- правда-ль, все дышало прозой“.

Выписавъ начало этого послѣдняго стихотворенія, мы не можемъ удержаться, чтобы не сказать о немъ два слова. Вотъ это стихотвореніе:

Не правда-ль, все дышало прозой,
Когда сходились мы съ тобой,
Намъ соловьи, плѣнившись розой,
Не пѣли гимновъ въ часъ ночной,
И другъ влюбленныхъ—мѣсяцъ ясный—
Намъ не свѣтилъ въ вечерній часъ
И ночь дремотой сладострастной
Не убаюкивала насъ.
А посмотри—въ какія рѣчи,
Въ какія краски я облекъ
И наши будничныя встрѣчи,
И нашъ укромный уголокъ.
Въ нихъ бѣлопѣнные каскады
Шумятъ, свергаясь съ холма;
Въ нихъ гроты, полные прохлады,
И золотые терема.
Въ нихъ ты, блистательная фея,
Въ нихъ я, восторженный боецъ,
Тебя спасаю отъ злодѣя
И торжествую наконецъ.

Какъ хорошо было бы это стихотвореніе, если бы г. Фофановъ не ковыльнулъ въ первой строфѣ и не спотыкнулся въ послѣдней. Середина неподобна. Оригинальная мысль выражена въ яркихъ, полныхъ образахъ. И опять все дѣло

испортила неряшливость, небрежность, отсутствіе отдѣлки. Опять алмазь безъ всякой шлифовки. Читая такіе стихи, въ десять разъ болѣе досадуешь, чѣмъ при чтеніи вялыхъ, безцвѣтныхъ стиховъ: тамъ по крайней мѣрѣ ужъ съ автора спрашивать нечего, а здѣсь... Очень будетъ жаль, если г. Фофановъ не обратитъ на себя серьезнаго вниманія и не займется собою съ надлежащимъ прилежаніемъ: ему грозитъ печальная судьба таланта отцвѣтающаго, не разцвѣтша—и исключительно благодаря своей инертности, нежеланія поработать какъ слѣдуетъ.

Изъ болѣе удачныхъ стихотвореній приведемъ еще два слѣдующія:

Съ тоской въ груди и гнѣвомъ смутнымъ,
Съ волненьемъ, вспыхнувшимъ въ крови,
Не повѣрай друзьямъ минутнымъ
Печаль осмѣянной любви.
Имъ все равно; они отъ счастья
Не отрекуются своего;
Ихъ равнодушное участье
Больнѣй несчастья самого.

*
* *

Звучалъ повсюду благовѣстъ церковный,
И въ тьмѣ ночной, какъ рои яркихъ пчелъ,
Блистаи свѣчи жертвою безкровной,
И крестный ходъ вокругъ собора шелъ...
Тебя въ толпѣ искалъ я жаднымъ взоромъ,

Одну тебя, поклонница Христа!
И первый разъ неправеднымъ укоромъ
Я осквернилъ безумныя уста.
Ты не пришла молиться вмѣстѣ съ нами—
Тебя не могъ изъ гроба вызвать звонъ.
И полный слезъ, я съ тайными мечтами
Разсѣянно взглянулъ на небосклонъ:
Сбѣгала тьма, и утро разсвѣтало,
Рѣдѣла тучъ воздушная гряда,
И лишь одна восточная звѣзда
Еще на небѣ ласково дрожала...
И мнилось мнѣ, что то твоя свѣча
Затеплена передъ подножьемъ Бога
И краткимъ блескомъ блѣднаго луча
Мнѣ плетъ привѣтъ изъ вѣчнаго чертога.
Покончивъ съ лирическими стихотвореніями,
перейдемъ къ фантазіямъ.

II.

По нашему скромному мнѣнію, „Фантазіи“ относятся не къ лучшимъ стихотвореніямъ Фофанова. Странное дѣло! Въ тѣхъ пьесахъ, которыя онъ не считаетъ фантастическими, фантазія бьетъ ключемъ; тамъ же, гдѣ онъ предполагаетъ ея особенное мѣстопробываніе, оказывается совсѣмъ иное—просто наборъ болѣе или менѣе дикихъ или очень туманныхъ образовъ. Такъ, напр., намъ совсѣмъ не понравился